

ИГОРЬ СКАКУН

ДЛЯ КОГО МЫ «ПИЩА»?

В творческом диалоге с нейросетью «МИР»

Игорь Скакун

Для кого мы "Пища"?

«Автор»

2026

Скакун И. В.

Для кого мы "Пища"? / И. В. Скакун — «Автор», 2026

Артём замечает: страх, обида и вина требуют всё больше его сил. Найденная тетрадь предлагает тревожную догадку — человеческие переживания могут становиться чьей-то пищей. Но чем настойчивее он ищет невидимый источник истощения, тем труднее слышит собственную дочь. Встречи, ошибки и чужая боль заставят его спросить: где заканчивается влияние и начинается его собственный выбор? Философская повесть о внимании, памяти и праве остаться собой, когда окончательного ответа нет. И кто услышит ответ?

© Скакун И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Об этой книге	5
Пролог. Чужая фраза	6
Глава 1. Утренний голод	8
Глава 2. Тетрадь без автора	10
Глава 3. Площадь отражений	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Игорь Скаун

Для кого мы "Пища"?

Об этой книге

Игорь Скаун. В творческом диалоге с нейросетью «МИР»

Самостоятельная философская повесть. Все персонажи и события вымышлены. Необычные объяснения пережитого принадлежат героям и оставляют читателю пространство для собственного понимания.

Пролог. Чужая фраза

В тот вечер Артём впервые услышал, как его собственный голос разговаривает без него.

Голос доносился из телефона женщины, стоявшей впереди в очереди. Женщина держала корзину с молоком и яблоками. Из маленького динамика вылетели слова: «Если всё время уступать, от тебя ничего не останется». Артём вздрогнул. Час назад он написал именно это в домовом чате. Теперь незнакомый человек на экране произносил ту же фразу с такой уверенностью, будто прожил её всю жизнь.

Конечно, совпадение. Подобных фраз много. Он даже попробовал вспомнить, не услышал ли её раньше сам. Но за первой последовала вторая: про жизнь, которую незаметно тратят на чужие желания. Эту он тоже написал. Или тоже где-то прочитал?

Кассирша попросила приложить карту. Артём не сразу понял, что обращаются к нему. Он смотрел на собственное отражение в тёмном стекле соседней кассы. Мужчина сорока пяти лет, усталый, немного сутулый, с пакетом хлеба в руке. Вполне обыкновенный человек. В отражении за его плечом двигались чужие рты.

Возле магазина толкались люди. На большом экране над остановкой показывали пожар в каком-то далёком городе. Внизу бежала строка о безопасности. Через секунду пожар сменился рекламой жилого комплекса, защищённого от всех мыслимых опасностей. Артём подумал, что страху здесь отвели ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы продать спасение.

Он шёл домой и сочинял гневное сообщение. Нашёл виноватых, подобрал слова потяжелее, придумал последнюю фразу, после которой спорить будет невозможно. В кармане завибрировал телефон. Дочь спрашивала, купил ли он хлеб.

У подъезда его остановил Семён Ильич с третьего этажа. Старик что-то говорил про дверь в подвал, про воду, которая снова идёт под стеной. Артём кивал, уже набирая ответ в чате. За стеклом подъезда отражался экран с остановки. На мгновение казалось, будто слова старика звучат из рекламы, а настоящая жизнь происходит в светящемся прямоугольнике у Артёма в ладони.

— Ты меня слышишь? — спросил Семён Ильич.

— Конечно.

— Тогда что я сказал?

Артём поднял глаза. Старик ждал без злости. Именно это и оказалось невыносимо.

Той ночью, уже лёжа в темноте, Артём попытался вспомнить последнее сообщение дочери, написанное не по делу. Вспомнить не смог. Зато чужие споры, подробности чужих скандалов и подробные причины, по которым он не мог простить трёх давних знакомых, лежали в памяти аккуратно, словно кто-то специально освободил для них место.

Глава 1. Утренний голод

Утро началось с тревоги, которой ещё не успели дать названия. Артём проснулся раньше будильника, взял телефон и увидел семнадцать непрочитанных сообщений. К тому времени, когда на кухне закипела вода, он уже знал, что близкие не ценят его заботы, подвал опять затоплен, никто ничего не делает, а терпение давно принимают за слабость.

Дочь вошла босиком. Ника заканчивала школу и собиралась поступать на документальное кино. Это казалось Артёму шаткой профессией. Настоящая работа должна была оставлять после себя что-нибудь пригодное к употреблению. Сам он занимался заказами на дому, подбирая покупателям всё от бумажных папок до кухонной мебели, и потому хорошо знал, сколько в мире вещей, без которых легко обойтись.

— Ты вчера мой ролик посмотрел? — спросила Ника.

— Какой?

— Который я тебе прислала. Про Семёна Ильича.

Он открыл переписку. Между ссылкой на очередное разоблачение и фотографией квитанции стояло короткое видео. На заставке старик держал деревянную модель парусника. Артём нажал воспроизведение. Тут же пришло новое уведомление, и он машинально коснулся его.

Ника ничего не сказала. Отрезала хлеб и вернулась в комнату.

Дверь закрылась мягко. Без хлопка, без возможности возмутиться её тоном. Артём допил чай и только тогда обнаружил, что не помнит ни вкуса, ни того, что произошло за последние десять минут на кухне.

На работе Лёша встретил его знакомой фразой: «Если всё время уступать...» Артём перебил и спросил, где тот её услышал. Лёша не помнил. Может быть, прочитал у самого Артёма.

Потом они долго обсуждали человека, который обещал вернуть долг и опять не позвонил. Вначале Артём хотел просто узнать срок. Через десять минут уже вспоминал все чужие недостатки. Долг от этого не возвращался, но разговор трудно было закончить.

На столе лежал заказ, требовавший проверки. Артём трижды пропустил одну строчку. Зато хорошо помнил, как на прошлой неделе его называли слишком придирчивым. Он спорил уже не с человеком, а с версией его слов, которую успел сделать ещё обиднее.

В обед он вышел к реке. Телефон звонил, но он не доставал его. Вода двигалась без комментариев. На другом берегу рабочие красили ограду. Один держал банку, другой обмакивал кисть. Их действия не требовали от Артёма немедленно выбрать сторону.

Он простоял так семь минут. Потом ему стало скучно. Скука оказалась неприятнее тревоги: в ней не было ни виноватых, ни ощущения важности. Он почти вернулся к телефону, когда увидел женщину, которая кормила уток. Та бросала хлеб в воду, птицы дрались, и женщина сердито увещевала их вести себя прилично.

Артём подумал, что каждое утро кто-то таким же движением разбрасывает корм над городом. Но, дойдя до этой мысли, остановился. Она слишком хорошо ложилась в разоблачительное сообщение. Её немедленно хотелось отправить другим и посмотреть, сколько людей согласится.

Вместо этого он позвонил Нике.

— Я твой фильм вечером посмотрю. Полностью.

— Хорошо, — ответила она после паузы.

В её голосе не было благодарности. И правильно: он ведь пока только пообещал.

Глава 2. Тетрадь без автора

Семён Ильич согласился показать подвал при условии, что они сначала выпьют чай. Это было его старое правило: срочность срочностью, но разговаривать стоя в дверях он не любил. В квартире пахло сушёной мятой, книгами и клеем. На подоконнике стояли парусники, каждый меньше предыдущего.

Ника уже устроилась у стола с камерой. Рядом сидела Марина, соседка с пятого этажа, которую Артём до сих пор знал главным образом по надписям в лифте: она постоянно просила не ставить туда пакеты с мусором. Оказалось, Марина исследовала привычки внимания и много лет записывала наблюдения за тем, как люди принимают решения. В свободное время помогала Семёну Ильичу разбирать старый архив домового клуба.

— Когда-то здесь показывали фильмы, — сказал старик. — Проводили кружки. Потом решили, что всё это никому не нужно.

— И что, нужно было? — спросил Артём.

— Я не знаю. У тех, кто ходил, не спросили.

Он достал коробку. Среди выцветших фотографий лежала синяя тетрадь без фамилии на обложке. Кто-то конспектировал лекции о коллективном сознании: люди, соединённые стрелками; слова «информация», «мера», «эгрегор». На полях другой рукой было написано: «Если это организм, может ли клетка отказаться?»

Артём перелистал страницы. Здесь его утреннее ощущение получало очертания. Люди создают нечто общее, поддерживают его мыслями, привыкают к нему, а затем уже это общее указывает им, чего бояться и к чему стремиться. В тетради говорилось о полях, частотах, невидимых каналах. Он не понимал, где заканчивается описание и начинается вера, но узнавал собственную усталость.

— Вы в это верите? — спросил он Марину.

— Во что именно?

— Что над людьми возникает... существо.

— Я вижу, как общие привычки влияют на каждого из нас. Для этого есть наблюдаемые пути: разговоры, правила, наказания, награды. А для отдельного невидимого существа понадобятся другие доказательства.

— Всё надо доказать?

— Если мы собираемся на основании этого обвинять людей, то да.

Семён Ильич молча налил ещё чаю. Ника сняла крупным планом синюю обложку. Артём поймал себя на раздражении: он принёс к столу чувство открытия, а Марина потребовала уточнить условия задачи. Очень хотелось сказать, что она просто боится выйти за рамки. Такие слова сразу ставили бы его выше собеседницы и освобождали от необходимости отвечать.

— А если приборов ещё нет? — спросил он.

— Тогда честный ответ пока неизвестен. Неизвестность бывает настоящей, а объяснение всё равно может оказаться ошибочным.

Старик наконец показал подвал. Дверь заедала. Внутри темнела влажная полоса на стене. В дальнем помещении стояли сломанные стулья и большой стол с оторванной ножкой. На пыльной стене висела фотография двора: молодые деревья, дети, несколько взрослых за тем самым столом.

— Вот моя жена, — сказал Семён Ильич. — Вот твоя мать. А это ты.

Артём приблизился. Мальчик на снимке был занят верёвкой и совсем не смотрел в объектив. Рядом стояла мать, смеющаяся, с запрокинутой головой. Такой её он почти не помнил. В последние годы память чаще предлагала больничную палату и список того, что следовало сделать иначе.

— Кто тетрадь писал? — спросил он.

— Не знаю. Люди собирались, спорили. Один ушёл, другой остался. Тетрадь вот сохранилась.

— А почему клуб закрыли?

— Сначала перестали приходить. Потом стало некому открывать. Потом сказали, что никто и не приходил никогда.

Вечером Артём досмотрел Никин фильм. Семён Ильич рассказывал в нём не о кораблях, а о жене, которая после смерти продолжала жить в привычке ставить на стол две чашки. Артём хотел немедленно связать это с тетрадью, с бессмертием информации, с тем, что понял за день. Но Ника сидела рядом и ждала другого.

— У тебя получилось, — сказал он.

Она впервые за вечер посмотрела ему прямо в лицо.

Глава 3. Площадь отражений

В субботу соседи собрались во дворе. Хотели обсудить протечку и решить, можно ли снова пользоваться комнатой бывшего клуба. Павел принёс список материалов. Зоя Петровна, жившая на первом этаже, показала фотографию мокрой стены. Кто-то спросил о стоимости. Через несколько минут разговор ушёл совсем в другую сторону.

Лёша вспомнил, что Павел обещал всё сделать ещё месяц назад. Тот ответил, что ждал, пока перестанет течь с улицы. Артёму показалось, будто Павел усмехается. И сразу вспомнилось, как полгода назад он не поздоровался в лифте, потом не вернул отвёртку, потом как-то странно посмотрел на Нику.

Каждый новый эпизод будто находился именно сейчас. Артём давно не думал о них, но стоило возникнуть раздражению, как память услужливо принесла всё, что могло его увеличить.

На стене соседнего здания светился большой экран. По нему без звука шла реклама какого-то путешествия: море, чистый песок, улыбающиеся люди. Артём стоял в сыром дворе, слушал перепалку и чувствовал, что где-то существует другая жизнь, которую у него забрали. Никто не обещал ему эту поездку. Никто вообще не говорил о нём. Но чувство обделённости уже требовало виноватого.

Он перебил Павла и сказал, что некоторые люди любят обещать, потому что так можно выглядеть полезными, ничего не делая. Павел перестал листать бумаги.

— Это ты обо мне?

Артём мог отступить. Уточнить, что знает только про задержку. Вместо этого добавил историю с отвёрткой, которую сам несколько месяцев назад одолжил Лёше. В ту минуту воспоминание казалось совершенно точным.

Лёша покраснел и сказал, что инструмент у него. Возникла неловкая пауза. Артём почувствовал, как тело готовится защищаться: в груди стало жарко, руки хотелось скрестить. Он уже собирался объяснить, что отвёртка здесь вообще ни при чём и речь о более важном.

— Мне вода нужна, чтобы не текла, — сказала Зоя Петровна. — Можно сначала про воду?

Несколько человек засмеялись. Смех показался Артёму насмешкой над ним. Ещё минуту назад он требовал правды, теперь хотел одного: не выглядеть смешным. Ему стало безразлично, чьё объяснение окажется точнее, лишь бы последнее слово осталось за ним.

Он увидел Нику. Та снимала руки Павла, который медленно складывал бумаги. Марина держала пакет с ветошью. Семён Ильич осторожно ставил на землю принесённую табуретку. Все эти движения продолжались в другом темпе, чем раскручивавшаяся в нём ссора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.